Сектор Гамма. Резонанс

Софья Захарова

Софья Захарова

Сектор Гамма. Резонанс

https://litres.ru/74837128
SelfPub; 2026

Аннотация

Арсений закрыл дверь в Слой. Он победил Полковника и спас детей, но заплатил за это своей способностью "слышать". Теперь он — обычный студент, а в голове вместо голосов — оглушающая пустота.

Но тишина обманчива.

Полковник не умер. Став частью Ядра, Арсений сам превратился в "Рут" — Админа реальности. И теперь вирус сознания Полковника пытается перезагрузить систему, стирая друзей Арсения из реальности, как битые файлы.

Чтобы окончательно убить призрака, "слышащему" придется снова войти в Слой. Но на этот раз он пойдет туда человеком, у которого больше нет сверхспособностей. Только нож, друг и шрам на щеке, который начинает светиться каждый раз, когда реальность дает сбой.

Закрыть дверь легко. Гораздо сложнее остаться по эту сторону.

Содержание

Глава 11. Несущая частота 4
Глава 12. Белый шум 11
Глава 13. Утроба 17
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Сектор Гамма. Резонанс

Глава 11. Несущая частота

Дождь закончился, но легче не стало.

Воздух стал густым, тяжелым, наэлектризованным до предела. Каждый волос на теле стоял дыбом. Это было похоже на момент перед ударом молнии, когда воздух становится плотным и сладковатым, и ты понимаешь, что сейчас в землю вонзится разряд.

Только молния била не с неба. Она била из меня.

Я сидел на ступеньках подъезда чужого дома, обхватив колени руками. Меня трясло. Но это была не дрожь холода или страха. Это была вибрация. Частота. Я чувствовал, как гудят высоковольтные провода над головой, как гудит холодильник в квартире на втором этаже, как бьется сердце голубя под карнизом.

Я стал антенной. И я не мог выключить приемник.

— Слышь, Немой, ты меня пугаешь, — Вова присел на корточки передо мной. Его голос звучал глухо, как из-под воды. — Ты уже десять минут молчишь и смотришь на мой кроссовок. Если ты сейчас скажешь, что видишь там будущее, я тебя стукну.

Я перевел взгляд на кроссовок Вовы. Обычная грязная резина. Но я видел не её. Я видел молекулярную структуру ре-

зины. Я видел, как полимерные нити цепляются друг за друга. Я чувствовал статику, скопившуюся на поверхности.

— Не надо, — сказал я.

Мой собственный голос напугал меня. Он звучал не как мой. В нем было эхо. Двойное, тройное эхо, как в пустой металлической цистерне.

— О, заговорил, — Вова нервно хохотнул, но улыбка вышла кривой. — Я уж думал, ты в режим "кирпич" ушел. Очнись, а? Башня телецентра горит. Ты это сделал?

Я посмотрел на восток. Там, над крышами, в серое небо уходил столб черного, жирного дыма. Телебашня. Наша цель.

— Я не хотел, — сказал я. — Он... сопротивлялся.

— Кто? Полковник? — Весь эфир. — Я потер виски. — Я замкнул цепь на башне. Я думал, я просто... перегорю предохранитель. А я стал сетью.

Вова оглядел двор. — Слушай, а прикольно. Все светофоры в городе сдохли. Машины стоят. Красота. Только холодно.

Он был прав. Город замер. Остановились не только машины. Остановились электронные часы на башне. Замерли смартфоны в карманах прохожих. Мир завис на одной секунде.

И в этой тишине я слышал всё.

Я слышал, как в соседнем доме ругается пара. Слышал, как в подвале скребется крыса. Слышал, как в трех кварта-

лах отсюда перегорела лампа в фонаре. Миллионы звуков, которые я раньше фильтровал, теперь ворвались в голову без очереди. Это была не какофония. Это была чистая информация. Слишком много данных для одной головы.

— Нам нужно идти, — сказал я. — К телецентру. К бункеру.

— Зачем? — Вова нахмурился. — Мы же вроде башню того... аннигилировали. Полковник там остался, поджаренный.

— Башня — это только ретранслятор, — я встал, чувствуя, как ноют суставы. — Полковник не был в башне. Он был в сети. Я сжег его антенну, но передатчик всё еще работает. Он в фундаменте. Под городом.

— В бункере? — Вова помрачнел. — Под телецентром?

— Нет. Под городом. Там, где всё началось. Главная станция.

Вова перестал улыбаться. Он посмотрел на свои руки, потом на меня. — Слышь, Немой. А ты как себя чувствуешь? Ты какой-то... не здесь.

Я посмотрел на него. Я видел не только его. Я видел, как бьется его сердце, как по сосудам течет кровь, как электрические импульсы бегут по нервам. Он был сложным, красивым, живым механизмом.

А я был просто проводом.

— Я в порядке, — повторил я. — Но он пытается перехватить управление. Если мы не спустимся в ядро и не выдернем кабель, он перезагрузит систему. Через меня.

Вова посмотрел на свои руки, потом на меня. В его глазах не было страха. Только упрямая, тяжелая решимость. — Ладно, — сказал он. — Куда идти?

— На старую АТС, — сказал я. — Автоматическую телефонную станцию. Она под центральным почтовым отделением. Это вход в магистраль.

— В канализацию? — Вова скривился. — Супер. Я как раз хотел подышать запахом дохлых крыс.

— Там нет крыс, — сказал я. — Там только провода. И тишина.

Мы пошли.

Город вокруг нас был мертв. Машины стояли посреди проспектов, в них сидели люди, замеревшие с открытыми ртами. Кто-то держал телефон у уха. Кто-то смотрел на навигатор. Они не были мертвы. Они просто... зависли. Как программы, у которых отняли процессорное время.

Полковник брал город в заложники. Он транслировал пустоту.

Мы шли по проезжей части. Светофоры слепо мигали желтым. В витринах магазинов отражалось серое небо.

— Слышь, — Вова пихнул меня локтем. — А если мы его вырубим? Насовсем. Что будет с тобой?

Я посмотрел на свои руки. На шрам на щеке. На то, как под кожей едва заметно пульсирует синим светом вена.

— Не знаю, — честно сказал я. — Он врос в меня. Если мы сожжем ядро, цепь разомкнется.

— И? — Вова остановился. — Что будет с тобой?

— Либо я стану нормальным, — сказал я. — Либо превращусь в такую же статую, как эти. — Я кивнул на замершего у перехода прохожего. — Пустой терминал.

Вова долго смотрел на меня. Потом сплюнул на асфальт. — Херня, — сказал он. — Ты не терминал. Ты — Немой. Пошли.

Мы спустились в люк канализации.

Здесь Слой был ближе.

Внизу, в бетонном чреве города, пахло не дерьмом и тиной. Пахло озоном и расплавленной медью. Вода в стоках едва заметно светилась бледно-голубым. Провода, идущие вдоль стен, были живыми. По черной изоляции пробегали белые искры, похожие на вены.

— Он здесь, — сказал я. — Он везде.

— Куда идем? — Вова достал фонарик. Луч света выхватил из мрака бесконечный туннель, уходящий во тьму.

— К магистрали, — сказал я. — К главной жиле.

Я положил руку на бетонную стену. И закрыл глаза.

Я больше не пытался сопротивляться. Я стал частью сети. Я потянулся своим сознанием сквозь кабели, сквозь мокрый бетон, сквозь тысячи километров проводов.

Я искал его.

Полковник был там. Он был не личностью. Он был алгоритмом. Вирусом, который захватил root-права. Он пытался переписать мой код, превратить меня в свой интерфейс.

Я почувствовал его прикосновение. Холодное, цифровое. "Ты — ключ, — прошелестел его голос в моем мозгу. — Ты — Сектор. Присоединяйся".

— Нет, — сказал я вслух.

Я не стал бороться. Я сделал то, чего он не ожидал. Я не стал закрывать дверь. Я открыл все шлюзы.

Я впустил в себя весь белый шум города. Всю боль. Всю статику. Всю память этого места.

Я стал перегрузкой.

По моим венам вместо крови потек ток.

— Немой? — голос Вовы доносился издалека. — Немой, у тебя волосы дыбом стоят. Ты светишься!

Мои глаза, наверное, горели. Я поднял руку. И ударил током в стену.

Разряд был не из 220 вольт. Это была вся мощь городской сети. Синяя, ослепительная дуга плазмы ударила в бетон. Стена треснула. Провода внутри вспыхнули, сгорая в мгновение ока.

Где-то в глубине города, под землей, что-то взорвалось.

Полковник закричал.

Это был звук тысячи модемов, пытающихся соединиться на скорости, которую не выдерживает железо. Звук распадающегося кода.

Я упал на колени. Энергия выжигала меня изнутри.

— Держись! — Вова схватил меня, пытаясь оттащить от стены. — Ты сейчас сам сдохнешь!

— Сеть... падает, — прошептал я. — Я... форматирую...

Где-то в глубине туннеля, в магистральном кабеле, раздался оглушительный треск.

Полковник потерял сигнал.

Я отключился от сети.

Я упал на бетон.

Вова тряс меня, бил по щекам, что-то кричал.

Но я его не слышал.

В моей голове впервые за много лет было абсолютно, оглушительно тихо.

Тишина звенела в ушах громче любого крика.

Я закрыл глаза и провалился во тьму.

Глава 12. Белый шум

Темнота не была пустой.

Раньше, когда я отключался, темнота была просто отсутствием света. Сейчас она была плотной. Она давила на барабанные перепонки, она пахла озоном, гарью и больничной чистотой.

Я открыл глаза.

Я лежал на чем-то твердом и холодном. Бетон. Но это был не подвал.

Потолок над головой был сделан из белого кафеля. В воздухе висел резкий запах антисептика, формалина и озона.

Я сел.

Я был не в подвале. Я был в больничном коридоре.

Длинном, бесконечном коридоре, стены которого были выложены белым кафелем от пола до потолка. Ряды одинаковых дверей. На каждой — маленькое окошко из армированного стекла.

— Вова? — позвал я.

Мой голос прозвучал глухо. Эха не было. Звук просто умирал в этой белой пустоте.

— Я здесь, — раздалось справа.

Вова сидел на полу, прислонившись к стене. Он выглядел целым, но его куртка дымилась. — Охренеть, Немой, — выдохнул он. — Ты светился. Весь. Синим. Как неоновая вы-

веска. А потом ты заорал, и у меня чуть барабанные перепонки не лопнули. Звук был такой, будто гвоздем по стеклу провели.

— Что это за место? — спросил я, оглядываясь.

— Это не станция, — раздался голос из-за спины.

Дядя Митя стоял у стены. Он выглядел... прозрачнее. Старее. Как будто его изображение шло с помехами. Он опирался на свою палку, но она проходила сквозь кафель, не встречая сопротивления.

— Это не станция, — повторил старик. — Это Интерфейс.

— Какой интерфейс? — спросил Вова. — Типа Windows? Мне перезагрузиться?

— Это буферная зона, — сказал дядя Митя. — Место между слоями. То, что айтишники называют "нулевым пространством". Полковник не просто управлял Слоем. Он стал его частью. А когда ты сжег магистраль, ты разорвал соединение. Тебя выбросило сюда. В кэш-память.

— В кэш? — переспросил Вова. — Мы что, в оперативке?

— Мы внутри протокола, — сказал дядя Митя. — Это место, где данные ждут обработки.

Я посмотрел на свои руки. Они были настоящими. Плотными. Но когда я сжал кулак, я почувствовал, как по венам течет не кровь, а слабый электрический ток.

— Где Полковник? — спросил я.

— Здесь, — сказал дядя Митя. — Везде.

Белые стены коридора начали меняться.

Кафель пошел волнами. Плитка на полу превратилась в пиксели, как в старой 8-битной игре. Стены начали сужаться.

Из-за угла вышла фигура.

Это был Полковник.

Но не человек.

Его тело состояло из переплетенных черных кабелей. Лицо было маской из треснувшего стекла, за которым клубился серый туман. Вместо глаз — горящие красные светодиоды.

— Ты пытался меня стереть, — сказал Полковник. Его голос не имел источника. Он звучал отовсюду. Это был скрежет модема, соединяющегося с сетью. — Ты уничтожил мой канал.

— Ты хотел забрать город, — сказал я.

— Я хотел порядка, — ответил Полковник. Кабели на его теле зашевелились, вытягиваясь в нашу сторону. — Вы — шум. Вы — ошибка. Вы создаете хаос. Я создам идеальный мир. Чистый сигнал.

— Ты просто вирус, — сказал я.

— Я — следующая ступень, — возразил Полковник. Кабель метнулся ко мне, как змея. — Я заберу твой шум. Я заберу твой слой. И я стану целым.

Кабель ударил.

Я не успел увернуться. Черный провод обвил мое горло. Он не душил — он впивался под кожу, пытаясь подключить-

ся к нервным окончаниям.

"Отдай управление", — прошипел голос в моей голове.

Я схватил кабель руками. Он был горячим.

— Немой, не смей! — закричал Вова. — Он тебя сожрет!

— Он не сожрет, — прохрипел я. — Он хочет синхронизироваться.

Я перестал сопротивляться.

Я сделал то, чего боялся больше всего.

Я перестал быть человеком.

Я перестал быть Арсением.

Я стал Помехой.

Я впустил в себя весь белый шум. Всю ту боль, которую сдерживал годами. Все голоса всех слоев. Всю тишину.

Я стал перегрузкой.

Мои глаза вспыхнули белым светом.

— Ошибка... — прошипел Полковник. Его кабельное тело начало искрить. — Несовместимый протокол...

— Ты хотел чистоты, — сказал я. Мой голос звучал как скрежет металла. — Получай.

Я ударил.

Это был не удар током. Это был выброс статики. Вся та "помеха", которой я был, вся моя "неправильность", вырвалась наружу.

Полковник принял удар. Его тело из кабелей вспыхнуло. Красные светодиоды глаз лопнули. Провода начали плавиться, стекая на кафель черной, вонючей смолой.

— НЕТ! — закричал он голосом тысячи голосов. — Я — ПОРЯДОК! — Ты — шум, — сказал я.

Полковник рассыпался в пыль. Черный пепел осел на белый кафель.

Тишина.

Я упал на колени.

Ток перестал течь по венам. Я снова стал просто человеком.

Я посмотрел на свои руки. Обычные руки.

Я посмотрел на Вову.

— Он... ушел? — спросил Вова. Он выглядел испуганным.

— Да, — сказал я.

— И... как ты? — Он подошел ближе, осторожно, словно я мог рассыпаться.

Я прислушался к себе.

Шёпот.

Его не было.

Я больше не слышал гул трансформаторов. Не чувствовал пульс города. Не слышал, как бьется сердце Вовы.

Тишина была абсолютной.

Я приложил руку к груди. Там, где должно было быть сердце, было пусто.

— Я в порядке, — сказал я.

Но это была ложь.

Я больше не был "слышащим". Я закрыл дверь. Я убил

Полковника. Но вместе с ним я запер в том слое и себя.

Я захлопнул дверь в Слой. И ключ остался внутри.

Я посмотрел на Вову. На его живое, испуганное лицо.

— Я ничего не слышу, — сказал я.

Вова замер. — В смысле? Вообще? Даже меня?

Я прислушался. Я видел, как двигаются его губы. Видел, как вибрирует воздух от его слов. Но я не слышал звука.

Я был глухим. По-настоящему.

— Вообще, — сказал я.

Вова долго смотрел на меня. Его глаза наполнились слезами — не от страха, от бессилия. Он шагнул вперед и крепко обнял меня, прижимая к своей мокрой куртке.

Он ничего не сказал.

Ему и не нужно было.

Я положил голову ему на плечо.

Я закрыл глаза. И впервые за десять лет я услышал абсолютную, мертвую, идеальную тишину.

Глава 13. Утроба

Тишина — это не отсутствие звука. Это вакуум, который вытягивает из тебя жизнь.

Я понял это, когда мы вышли из "Интерфейса".

Переход был резким. Только что мы стояли в белом кафельном чистилище, где Полковник рассыпался в пепел, и вот мы уже лежим на бетонном полу технического этажа под телецентром. В нос ударил запах озона, дешевого пластика и сырости.

Но тишина осталась.

Я сел, прислонившись к холодной стене. Вова тяжело дышал рядом, выпуская облака пара. Дядя Митя стоял у распределительного щита, ощупывая кабели.

— Работает, — прохрипел старик. — Магистраль упала. Город спит.

Я посмотрел на свои руки. Они больше не светились. По венам не бежал ток. Я чувствовал себя... пустым. Выпотрошенным. Как будто вместе с Полковником из меня вынули двигатель, и теперь я просто кусок железа, который катится по инерции.

— Он забрал её, — сказал я.

— Что забрал? — Вова подполз ко мне, тяжело опираясь на колени. — Твою крутость?

— Шёпот, — сказал я. — Весь Слой. Он заткнул уши.

Ватой.

Вова замер. Он перестал улыбаться. — В смысле... совсем?

Я кивнул. Я прислушивался к миру. Пытался нащупать ту привычную нить, которая всегда связывала меня с миром. Нить, натянутую между моим мозгом и бесконечностью.

Пусто.

Там, где раньше бился пульс Сектора, теперь была глухая, звенящая стена.

— Я глухой, — сказал я.

Вова открыл рот, чтобы что-то сказать, но передумал. Он просто придвинулся ближе и положил свою теплую, живую руку поверх моей. Я не чувствовал пульса через его кожу. Я чувствовал только тепло. Обычное, человеческое тепло.

— Это пройдет, — сказал дядя Митя. Он подошел к нам, тяжело опираясь на палку. — Это шок. Ты выдернул вилку из розетки под напряжением. Сеть обесточена. И ты тоже.

— Сколько? — спросил я. — Сколько это будет длиться?

— Откуда мне знать? — старик вздохнул, тяжело опускаясь на пол. — Ты был антенной. Теперь ты — пустая медь. Тебе нужно время, чтобы окисел сошел.

Я посмотрел на свои руки. На шрам на щеке. Выжженная метка — схема печатной платы — всё еще темнела на коже, но она была мертвой. Просто узор.

— Нам нужно идти, — сказал я. — К старой АТС. Ядро там.

— Куда? — Вова нахмурился. — В телефонную станцию? Там же ничего нет, кроме бомжей и крыс.

— Там не станция, — сказал дядя Митя. — Там точка входа в ядро. Полковник мертв, но его код остался. Вирус сидит в корневом каталоге. Если мы не форматнем ядро сейчас, он перезагрузится из резервной копии.

— Как форматировать? — спросил Вова. — Формат "С" нажать?

— Кровью, — сказал дядя Митя. — Как всегда. Но на этот раз нам нужен не просто проводник. Нам нужен администратор.

Он посмотрел на меня. — Теперь ты не ключ, Арсений. Теперь ты — рут-права.

Я не понял половины слов, но суть уловил. Я больше не просто открываю дверь. Я теперь могу её стереть.

— АТС находится под старым телеграфом, — сказал дядя Митя. — Но вход завален. В восьмидесятых там был прорыв, и городские службы забетонировали уровень "Б".

— Значит, копать, — сказал Вова, поднимаясь. — Лопаты есть?

— Копать не придется, — сказал я.

Я встал. Ноги всё еще дрожали, но пустота внутри давала странную легкость. Я подошел к стене, за которой, по словам Мити, был завал.

Я положил ладонь на бетон.

Раньше я бы слушал. Искал пустоту. Сейчас я просто за-

хотел, чтобы бетона не было.

Я не слышал, как трещит арматура. Я не слышал, как осыпается пыль. Но я видел, как вибрация проходит по молекулам. Я видел напряжение в бетоне.

Я нажал. Не физически. Мысленно.

Бетон не взорвался. Он просто... осел. Превратился в мелкую серую пыль, которая бесшумно осела на пол. В стене образовался идеальный, ровный проход.

— Охренеть, — выдохнул Вова. — Ты теперь как джедай.

— Я — администратор, — сказал я. Голос звучал глухо даже для меня самого.

Мы спустились.

Старый телеграф пах пылью и смертью. Здесь не было "помех" — этого привычного фона. Здесь была просто... пустота. Мертвая зона.

Мы шли по бесконечным коридорам из красного кирпича. Кабели свисали с потолка, как лианы в джунглях.

— Куда теперь? — спросил Вова, светя фонариком телефона.

— В центр, — сказал я.

Я чувствовал это. Не ушами. Чем-то другим. Глубже. Это было похоже на гравитацию. Ядро системы притягивало меня.

Мы спустились еще ниже. На минус третий уровень.

Здесь не было бетона. Только старая кирпичная кладка и массивные деревянные двери, обитые железом.

— Это не телефонная станция, — прошептал Вова. — Это склеп.

— Это утроба, — сказал дядя Митя. — Место, где город получил свою душу.

Мы подошли к массивной дубовой двери в конце коридора. На ней не было ручек. Только массивная замочная скважина.

Я подошел ближе. Языком пламени в темноте светился старый электронный замок. Но он был мертв.

Я приложил ладонь к дереву. Я не слышал, как бьется сердце здания. Но я чувствовал его структуру.

— Здесь, — сказал я. — Точка входа.

Я сжал кулак.

Дерево не выдержало. Оно не взорвалось щепками. Оно просто рассыпалось в труху, как пересохший пергамент.

За дверью была не комната.

Это была пещера.

Огромная, круглая пещера, стены которой состояли из переплетения старых телеграфных проводов. Миллионы километров меди и оптоволокна сплетались в гигантский пульсирующий кокон. В центре кокона, в воздухе, висел сгусток чистой энергии. Он пульсировал тусклым красным светом, как умирающая звезда.

— Ядро, — выдохнул дядя Митя. — Он всё еще здесь.

— Как его убить? — спросил Вова, доставая нож.

— Его нельзя убить, — сказал я. — Его можно только

переписать.

Я шагнул к кокону.

Пол под ногами был мягким. Я посмотрел вниз. Это были не кабели. Это были корни. Старые, гниющие корневища, уходящие в землю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.